Изъ записокъ Д. А. Кармазина [1].

I.

Дѣтство, уѣздное училище и гимназія.—Посѣщеніе гимназіи министромъ А. С. Норовымъ.—Новый директоръ Н. Н. Мурзакевичъ.—Инспекторъ І. Г. Михневичъ.—Бомбардированіе Одессы англо-французами въ 1854 г.—Попечители одесскаго округа: Демидовъ и Н. И. Пироговъ.

(1839—1857 гг.).

Нѣтъ настоятельной необходимости знать, кто были мои предки. Сынъ мой Евгеній, которому я оставляю эти записки, будетъ имѣть всѣ необходимые документы о происхожденіи рода. Ему не придется выносить тѣ тяготы, которыя достались на мою долю при розысканіи формулярныхъ списковъ, грамотъ и т. д. при ходатайствахъ моихъ о присоединеніи меня къ роду дѣда, уже записаннаго въ дворянскую книгу Херсонской губерніи. Скажу только, что отецъ мой служилъ въ началѣ 30-хъ годовъ форстмейстеромъ въ

[1]) Часть настоящихъ записокъ, заключающихъ въ себѣ юность и годы ученія автора, прислана намъ П. А. Тулубомъ. Въ своемъ письмѣ онъ между прочимъ говоритъ: „авторъ записокъ — Даніилъ Адріановичъ Кармазинъ—скончался 13-го мая 1899 г. на шестидесятомъ году жизни. Онъ умеръ въ своемъ имѣніи въ с. Макарихѣ Херсонской губерніи Александрійскаго уѣзда. Въ послѣднемъ уѣздѣ протекала и вся общественная дѣятельность почившаго. Покойный служилъ сначала судебнымъ слѣдователемъ, потомъ—участковымъ мировымъ судьею и предсѣдателемъ мироваго съѣзда; а послѣ упраздненія мироваго института и введенія земскихъ начальниковъ—почетнымъ мировымъ судьею. Свидѣтель введенія судебныхъ уставовъ 1864 года, Д. А. Кармазинъ въ дѣятельности своей, въ качествѣ слѣдователя и судьи, всегда оставался вѣрнымъ завѣтамъ эпохи освободительныхъ реформъ. Помимо судебныхъ обязанностей почившій, какъ землевладѣлецъ, отдавалъ не-

извѣстномъ на югѣ по громадности Черномъ лѣсѣ (въ сѣверо-западной части Александрійскаго уѣзда, гдѣ, совершенно случайно, пришлось жить и дѣйствовать мнѣ), вышелъ въ отставку, какъ говорили, въ 36 году и переѣхалъ на жительство въ материнское имѣніе Ананьевскаго уѣзда, Марьевку. Здѣсь я и родился въ 1839 году. Смутно, но вспоминаю, что отецъ любилъ меня и баловалъ, что мать, несомнѣнно тоже любившая,— была строже съ нами, дѣтьми. У меня были двѣ старшихъ сестры.

Шести лѣтъ отъ роду я потерялъ мать, а послѣ,—говорили, черезъ полгода—отца.

Въ 1846 году я припоминаю себя на противоположной почти окраинѣ Ананьевскаго уѣзда, въ имѣніи дѣда по матери, Онуфрія Андреевича Жеребко. Дѣдъ, тогда уже 80 лѣтъ, жилъ одинокимъ вдовцомъ, но еще былъ подвижнымъ и относительно бодрымъ старикомъ. Переѣхавъ къ дѣду, я уже читалъ. Вскорѣ дѣдъ воспользовался моею, вѣроятно, плохою грамотою и усадилъ меня за чтеніе, какъ говорилъ, слова Божія. Въ 1847 году дѣдъ отвезъ меня въ г. Балту (въ 18 верстахъ) продолжать «науку». Мнѣ было тамъ хорошо въ знакомой, вѣроятно, ему семьѣ. Учили меня двѣ взрослыя дочери. Къ праздникамъ большею частью дѣдъ

мало энергіи, труда и нравственныхъ силъ земскому дѣлу своего уѣзда. Особенно ревностно относился покойный къ вопросу о народномъ образованіи. Крестьяне съ ихъ бѣдностью и темнотою были всегда предметомъ самаго заботливаго его вниманія. И густая сѣть земскихъ школъ, покрывающая Александрійскій уѣздъ, многимъ обязана почину и настойчивости покойнаго. Все пережитое и передуманное за долгую жизнь занесено Кармазинымъ въ его записки. Онѣ обнимаютъ почти полувѣковой періодъ — отъ 1839 года (годъ рожденія автора) по 1886 годъ. Но писались онѣ не вслѣдъ за событіями, а лишь въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, начиная съ 1892 года, вскорѣ послѣ выхода автора въ отставку. Писалъ свои записки Кармазинъ медленно, съ любовью, писалъ исключительно для своего единственнаго сына Евгенія, мечтая подѣлиться съ нимъ воспоминаніями о прошломъ, думая воспроизведеніемъ своей жизни пробудить и въ сынѣ свои завѣтныя стремленія, свои излюбленные взгляды. Этой мечтѣ не суждено было осуществиться: Евгеній, уже ученикъ 8-го класса Елисаветградской гимназіи, 21-го февраля 1899 года покончилъ жизнь самоубійствомъ. Онъ бросился подъ курьерскій поѣздъ и былъ раздавленъ. Трагическая смерть сына окончательно подкосила больнаго чахоткою отца и ускорила развязку. Умирая, Кармазинъ завѣщалъ 27 тысячъ на устройство въ с. Макарихѣ народной школы имени его сына. Земству же отказана покойнымъ и его благоустроенная усадьба съ прекраснымъ садомъ и землею въ количествѣ восьмидесяти десятинъ—для устройства образцовой сельско-хозяйственной фермы. Остальная часть имѣнія, до 755 десятинъ, по смыслу духовнаго завѣщанія, должна быть продана крестьянамъ с. Макарихи и сосѣдней деревни Диковки, и лишь вырученная отъ продажи сумма достается наслѣдникамъ. Такимъ образомъ потребности земства, нужды крестьянъ и забота о народномъ образованіи до послѣдней минуты были тѣмъ предметомъ, къ которому неотступно влеклись всѣ помыслы усопшаго".

самъ пріѣзжалъ за мною. Припоминаю, что въ суровый зимній день, спустили меня внизъ подъ фартухъ полуоткрытаго возка, прикрывъ съ головой большимъ кожухомъ,—такъ что я дышалъ въ оставленное для этого отверстіе, и въ такомъ видѣ везли меня много верстъ. Вообще у дѣда я чувствовалъ себя привольно: проводилъ время въ саду и на конюшнѣ съ первѣйшимъ другомъ кучеромъ.

Въ 1848 году дѣдъ отвезъ меня въ Одессу и опредѣлилъ въ уѣздное училище. Конечно, меня поразилъ шумный большой городъ, въ особенности я дивился, когда изъ гостиницы на Новомъ Базарѣ пришлось около получаса ѣхать на противоположный конецъ города, къ родственникамъ Жеребко. Дѣдъ помѣстялъ меня на квартирѣ у нѣкоей вдовы Батуринцевой. Она была добрая старуха, но сынъ ея Василій болѣзненный и злой, служившій тогда уже въ какой-то канцеляріи, обижалъ меня и командовалъ. Кормили плохо. Посылали меня на базаръ, въ ближайшую лавку за сахаромъ, углемъ и даже «околотомъ» (связки вымолоченной ржаной соломы); я же носилъ и дрова изъ сарая. Бѣганье на базаръ, вѣроятно, мало отягощало меня; большое мученіе было въ томъ, что я помѣщался въ одной комнатѣ съ несимпатичнымъ Василіемъ. Въ маѣ дѣдъ, посылая въ Одессу по надобностямъ деревни, прислалъ теткѣ моей Настасьѣ Ивановнѣ Жеребко деревенскихъ гостинцевъ. Тетя, желая надѣлить меня, везла ихъ лично. Когда она подъѣзжала къ дому, гдѣ жили Батуринцевы, я какъ разъ слѣдовалъ изъ лавки съ коробкою древеснаго угля, къ тому же, вѣроятно, не совсѣмъ приглядно одѣтый. Почтенная старуха была шокирована и возмущена,—и въ результатѣ—чрезъ нѣсколько дней я водворенъ на квартирѣ у нѣкоей 55-ти-лѣтней вдовы Орлянской.

Полька по происхожденію, потомственная дворянка, бездѣтная и одинокая, она имѣла у себя крѣпостную женщину, купленную еще ея покойнымъ мужемъ, Авдотью. Тетушка, опредѣляя меня къ Орлянской, первѣе всего выяснила, что я сынъ дворянина и помѣщика и что меня слѣдуетъ содержать сообразно этимъ моимъ достоинствамъ. Орлянская занимала три небольшихъ комнаты и кухню. Какими средствами она жила, такъ какъ я былъ ея единственнымъ квартирантомъ и, разумѣется, дешевымъ,—не знаю, но подъ ея заботами, сравнительно, я благоденствовалъ. Она пріучила меня не быть замухрышкой и только въ смыслѣ этихъ, новыхъ для меня требованій, возбуждала не рѣдко мое недовольство; кормила же, что называется, до отвала. Помню и до сей поры вкуснѣйшіе пироги, которые пекла Авдотья. Какой особый типъ тяжелаго прошлаго представляла собою эта, безфамильная для всѣхъ окружающихъ, Авдотья! Вѣрнѣйшій домочадецъ, услужливая и заботливая Авдотья, что касалось кухни, была нерѣдко со своей полновластной госпожей на ножахъ. Но попробуй кто-либо дурно отозваться объ ея госпо-

жѣ или затронуть мою дворянскую честь, Авдотья, спокойно выносившая личныя, не касающіяся кухни, обиды,—набрасывалась на нашего обидчика, готовая выцарапать глаза.

Орлянская, вообще религіозная, много и долго молилась по утрамъ; днями вышивала по канвѣ или вязала чулокъ, а на досугѣ любила читать русскія книги и въ особенности слушать чтеніе; помню, по ея желанію, разумѣется урывками,—я читалъ громко Вѣчнаго Жида (Е. Сю). Мнѣ также сообщилось религіозное настроеніе: я много молился и въ праздники не пропускалъ ни одной службы, бѣгая для этого въ церковь Архангело-Михайловскаго монастыря. Такъ прошелъ еще годъ; я выдержалъ экзаменъ во 2 классъ. За мною дѣдъ обѣщалъ прислать на лѣтнія вакаціи. Прошла недѣля въ напрасномъ ожиданіи. Наконецъ, я узналъ, что изъ имѣнія двоюроднаго дѣда В. А. Жеребко (гдѣ нынѣ ст. Жеребково юго-зап. ж. д.) прибыли подводы съ хлѣбомъ. Прикащикъ передалъ мнѣ, что дѣдъ Онуфрій Андреевичъ тяжело боленъ и, вѣроятно, умретъ. Орлянская и слышать не хотѣла, чтобы меня отпустить съ «мужиками». Тогда я подъ покровительствомъ Авдотьи, видѣвшей мои искреннія слезы и поговорившей по душѣ съ прикащикомъ, уѣхалъ тайно. Авдотья снабдила меня на дорогу, чѣмъ могла. Мы выѣхали утромъ. Орлянская же, не дождавшись меня къ обѣду, начала волноваться, а къ вечеру подняла страшную тревогу; но я былъ уже, сравнительно, далеко. Прикащикъ, хотя и ѣхалъ на повозкѣ, въ которую впряжены были три лошади, но, имѣя подъ своимъ надзоромъ до 30 возовъ, слѣдовалъ за возами шагомъ. Мы останавливались для отдыха и ночлега подъ открытымъ небомъ, въ степи, въ порядкѣ стараго чумачества. Довольный своимъ новымъ положеніемъ у костра и котелка съ закипавшей кашей или галушками, я вспоминалъ мою Авдотью, которой былъ обязанъ своею свободою и возможностью свидѣться съ дѣдомъ. Но какое бы негодованіе возбудилъ я въ ней, если бы признался, что ѣлъ изъ общаго котла съ мужиками, что эти каша и галушки казались мнѣ вкуснѣе ея прославленныхъ, не мною только, пирожковъ.

Прибыли на мѣсто только на третій день къ вечеру. Вспоминаю съ благодарностью, какъ за мною ухаживалъ, укладывая непремѣнно на возу и прикрывая ноги, добрый старикъ-прикащикъ изъ крестьянъ. Я засталъ еще дѣда въ живыхъ, и, умирая, онъ благословилъ меня, поручивъ заботу обо мнѣ родному сыну, а моему дядѣ, Ф. О. Жеребко. Дядя, въ качествѣ опекуна (имѣніе въ 800 десятинъ), взялъ меня къ себѣ въ г. Ананьевъ, а оттуда, не помню уже какъ, я къ началу ученія прибылъ въ Одессу и былъ особенно торжественно встрѣченъ Авдотьей. Затѣмъ я продолжалъ мой курсъ. И въ іюнѣ 1852 года окончилъ выпускной изъ училища экзаменъ съ наградой.

Другой дядя мой, Осипъ Михайловичъ Жеребко, жившій въ Одессѣ,

опредѣлилъ меня въ пансіонъ 1-й одесской гимназіи. Онъ былъ мѣстный домовладѣлецъ, служилъ секретаремъ въ коммерческомъ судѣ и по характеру всѣхъ судебныхъ учрежденій того времени, какъ секретарь и дѣлецъ, былъ настоящимъ воротилой въ коммерческой Одессѣ. Благодаря этому, тогдашній директоръ 1-й гимназіи Петровъ, выражая дядѣ О. М. сожалѣніе въ томъ, что онъ опоздалъ съ моимъ опредѣленіемъ, такъ какъ штатъ воспитанниковъ уже полонъ, и, не желая отказать ему, согласился принять меня сверхштатнымъ, получивъ однако же, какъ говорили, усерднѣйшее приношеніе.

Едва вмѣсто 4-го класса, я принятъ въ третій, такъ какъ въ уѣздномъ училищѣ не изучали новѣйшихъ языковъ. При этомъ также необходимо было вліяніе директора. Въ нашемъ «благородномъ», какъ тогда величали, пансіонѣ, я скоро освоился; оказалось болѣе 20 земляковъ изъ моего роднаго Ананьевскаго уѣзда; изъ нихъ съ братьями Синицыными, Флоринскими, Шварцами, Сергѣемъ Гонскимъ я былъ друженъ до выхода изъ гимназіи. Единственное, что на первыхъ порахъ вызывало пріятныя воспоминанія о моемъ пребываніи у Орлянской, это—плохой пансіонскій столъ.

Кажется, въ концѣ 1852 года, намъ объявили о скоромъ пріѣздѣ для ревизіи министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова. Началась усиленная маршировка, подготовленіе къ хоровому привѣтствію министра и видимая забота начальства по обмундировкѣ.

Въ ожиданіи гостя усердно и непрерывно въ теченіе многихъ дней дѣйствовали швабры для поддержанія чистоты половъ; бѣлились и перебѣливались стѣны.

Министра мы, выстроенные въ шеренги, привѣтствовали громкимъ «здра-ві-я же-ла-емъ» и т. д. Первѣе всего было обращено вниманіе на обмундировку; замѣченъ былъ выступившій къ низу бортъ мундира, мѣшковатость, недоброкачественность бѣлыхъ пуговицъ съ красноватой тѣнью. И все это выражалось тутъ же въ присутствіи учениковъ. Вообще наибольшія заботы министра были обращены на выправку и на экономическую сторону, такъ какъ говорили, что о характерѣ дѣйствій Петрова, въ послѣднемъ смыслѣ, министръ былъ предупрежденъ. Директоръ видимо страшно волновался и трусилъ. Передавали, что Норовъ по окончаніи обзора дѣлопроизводства въ общемъ правленіи гимназіи и лицея, направился къ выходу. Директоръ бросился впередъ для подготовленія его высокопревосходительству шинели и галошъ, и вдругъ видитъ только одну галошу министра; испуганный, онъ поднялъ страшную суету; но кто-то, болѣе спокойный, остановилъ метавшихся, объяснивъ, что его высокопревосходительство носитъ только одну галошу на здоровой ногѣ: нижняя часть правой ноги оторвана при Бородинѣ.

Помню, однажды ревизоръ-министръ прибылъ въ 8 час. утра къ на-

чалу классовъ; слушалъ нашу общую молитву, заходилъ нѣсколько разъ въ столовую, былъ на урокѣ маршировки, но не помню, былъ ли въ нашемъ классѣ во время учебныхъ занятій.

Говорили тогда, что Норовъ присутствовалъ въ лицеѣ на лекціи заслуженнаго профессора богословскихъ наукъ, протоіерея Михаила Карповича Павловскаго. О. Михаилъ, извѣстный проповѣдникъ меньше по существу, нежели по формѣ и ораторскимъ пріемамъ рѣчи, вообще не удовлетворялъ слушателей студентовъ. Не ручаюсь за истину, но передамъ то, что говорили тогда студенты. Когда вошелъ къ нимъ въ аудиторію Норовъ, Павловскій, послѣ привѣтствія и наступившей тишины, обратился къ слушателямъ студентамъ съ такими словами:

— Я васъ предупредилъ, что сегодня мы приступимъ, къ изложенію понятій о новой для васъ наукѣ—логикѣ,—и далѣе продолжалъ: «что же такое логика? Логика есть наука объ истинѣ. Но что такое истина? Да, была на свѣтѣ истина и вопросили истину, что такое истина, и—не дала истина отвѣта».

Министръ вышелъ восторженно-довольнымъ.

Прощаясь съ лицеемъ, Норовъ пригласилъ дирекцію, М. К. Павловскаго и профессоровъ къ обѣду. За обѣдомъ, обратившись къ о. Михаилу съ выраженіемъ благодарности за то высокое удовлетвореніе, которое онъ вынесъ, прослушавъ его лекцію,—Норовъ спросилъ профессоровъ,—бываютъ ли они на лекціяхъ у Михаила Карповича. Профессора смутились. Храбрѣйшій изъ нихъ, — юристъ-профессоръ Лохвицкій,—рѣшился отвѣтить. Желали бы, молъ, но неудобно по времени, и не принято, ваше высокопревосходительство.

— А совѣтую, совѣтую вамъ, господа,—прибавилъ министръ,—провозгласивъ общее привѣтствіе.

Результатомъ ревизіи было, между прочимъ, удаленіе Петрова,—его замѣстилъ Н. Н. Мурзакевичъ.

Новый директоръ Николай Никифоровичъ «изъ состава профессоровъ»,—какъ говорили,—серьезный ученый, извѣстный археологъ, всю жизнь прожилъ безсемейнымъ, видимо, не любилъ и былъ далекъ отъ пониманія дѣтскаго міра. Въ свою очередь, мы, гимназисты, его не любили. Огромнаго, какъ намъ казалось тогда, роста, тучный, великій чревоугодникъ, Мурзакевичъ наводилъ на насъ страхъ, въ особенности своими послѣобѣденными появленіями. Случалось иногда, что, при такомъ появленіи, директоръ за пустую сравнительно шалость примѣнялъ практиковавшіяся тогда въ нашемъ «благородномъ» пансіонѣ розги.

Здѣсь умѣстно сказать хотя нѣсколько словъ объ инспекторѣ и вообще о составѣ администраціи пансіона. Іосифъ Григорьевичъ Михневичъ, также профессоръ упраздненной послѣ 1848 г. каѳедры философіи, по отношенію къ намъ, гимназистамъ, былъ совершенною противуполож-

ностью Мурзакевичу. Добрый и, очевидно, любившій дѣтей, Іосифъ Григорьевичъ лишь по требованіямъ того времени старался казаться суровымъ. Всегда спокойный, справедливый, онъ примѣнялъ наказанія лишь въ случаяхъ серьезныхъ проступковъ, или за уклоненіе или небреженіе къ молитвѣ и церковной службѣ. Предусмотрительный во всемъ, инспекторъ дѣйствовалъ какъ по клавишамъ, дозволяя отступленіе только во время появленія своего въ предѣлахъ пансіона, но появленія эти были неопредѣленны,—мы не знали ни дня, ни часа инспекторскаго пришествія. Совершенно несоотвѣтственно кто-то изъ шустрыхъ далъ Іосифу Григорьевичу имя «злой духъ». Это потому, что, при серьезномъ выговорѣ, онъ непремѣнно повторялъ: «исправься,—въ тебѣ злой духъ!» Михневичъ былъ также и инспекторомъ студентовъ; ему подчинены были два субъ-инспектора. Надзиратели, по большей части, относились къ намъ порядочно, и все это, благодаря строю, установленному инспекторомъ. Въ каждой половинѣ растворчатыхъ дверей класса были вдѣланы небольшія овальныя стекла, такъ что во время классныхъ занятій надзиратели, по примѣру инспектора, подходя къ стекламъ, безшумною походкою, извнѣ наблюдали за нашимъ вниманіемъ и поведеніемъ. При директорѣ Мурзакевичѣ, мы поняли вскорѣ, что Іосифъ Григорьевичъ господствуетъ надъ пансіономъ и гимназіею, и, къ большой нашей радости, замѣчали, что директоръ болѣе и болѣе отдѣлялся отъ пансіона, появляясь лишь въ торжественныхъ случаяхъ на литургіи, молебнахъ, иногда въ столовой въ большіе праздники. Справедливость требуетъ сказать, что безкорыстіе директора, все-таки главнаго представителя по управленію, было причиною улучшеннаго, по возможности, пансіонскаго содержанія.

Ярко помнится мнѣ одинъ изъ торжественныхъ случаевъ появленія Мурзакевича и суетливо-непривычной для него дѣятельности. Это было въ памятное для Одессы утро, 11-го апрѣля 1854 г. На разсвѣтѣ этого дня изумленная торговая Одесса поражена была видомъ появившагося соединеннаго англо-французскаго флота, стоявшаго отъ берега на разстояніи выстрѣла. Въ 6 час. утра (Страстная суббота), уже началась бомбардировка. Помню,—уже въ то время, когда ясно слышалась канонада, когда одно изъ ядеръ упало на нашемъ рекреаціонномъ дворѣ, пробивъ раздѣлявшую дворъ стѣну, когда другое ядро произвело разрушеніе въ противуположномъ корпусѣ гимназіи, домѣ Камфати, на Дерибасовской,—директоръ вмѣстѣ съ Іосифомъ Григорьевичемъ собрали насъ, гимназистовъ, для торжественной молитвы въ нашу домовую церковь. Служилъ профессоръ Павловскій. Кажется, кто-то, командированный отъ генералъ-губернатора или попечителя, побудилъ начальство скорѣе вывести насъ. Порѣшили вести насъ на собственный лицейскій хуторъ, за Ботаническимъ садомъ. Не очень наблюдали, конечно, чтобы

мы шли стройно. Догадливые изъ насъ захватили присланныя къ Пасхѣ снадобья. По пути, въ чудный, теплый, ясный день, издалека мы видѣли носившіяся надъ Одессой облачка; это были вылетавшія изъ орудій бомбы, разрывавшіяся у насъ на виду. Когда мы подходили къ цѣли,—снова посолъ, принесшій распоряженіе, чтобы мы не входили на хуторъ, въ виду близости его къ морю и въ виду опасности, могущей грозить намъ, одѣтымъ въ красные воротники и форменныя фуражки. Намъ указано было слѣдовать назадъ и остановиться на привалѣ, за стѣнами зданія училища, въ Ботаническомъ саду. Сюда привезли намъ только повозку булокъ. Это было уже около 11 ч. дня. Не успѣвъ выпить чаю, мы, разумѣется, накинулись на булки, присоединивъ къ этому сухоядѣнію, кто могъ и успѣлъ, аппетитные куски захваченныхъ домашнихъ припасовъ. Въ два часа новое распоряженіе,—вести насъ въ помѣщеніе женскаго института, расположеннаго въ части города, не обстрѣливаемой непріятелемъ.

Благородныя, какъ и мы, обитательницы института на почтовыхъ и въ наемныхъ каретахъ вывезены, въ 7 час. утра, въ г. Вознесенскъ, гдѣ было соотвѣтственное для нихъ помѣщеніе въ такъ-называемомъ дворцѣ. Въ зданіе института мы прибыли около 4 час. по полудни. Голодные и усталые, мы, однакоже, бросились для осмотра еще неостывшихъ слѣдовъ такъ внезапно спугнутыхъ и увезенныхъ нашихъ благородныхъ согражданокъ. Записки, оказавшіяся кое-гдѣ подъ матрацами, въ укромныхъ мѣстахъ спальныхъ и классныхъ ящиковъ, по своему спеціально внутреннему и наивному содержанію, доставили намъ возможность хотя на время заглушить голодъ. Кое-какой обѣдъ дали намъ въ 6 ч. вечера. Къ ночи слѣдующаго, перваго дня Пасхи, мы были уже на своихъ матрацахъ, конечно, не возбудившихъ, за отсутствіемъ нашимъ, ни въ комъ никакого интереса.

Религіозное настроеніе, переходившее, для моего возраста, въ крайность, не оставляло меня въ гимназіи. Нерѣдко въ пансіонѣ, избирая укромныя мѣста, иногда запираясь на ключъ въ уборной, я молился долго, насколько могъ. Конечно, я всегда охотно отправлялся для слушанія церковныхъ службъ, въ домовой церкви.

Нашъ благородный пансіонъ нерѣдко парадировалъ въ Городскомъ соборѣ при разныхъ торжественныхъ службахъ. Намъ отводили видное мѣсто,—противъ праваго бокового алтаря, смежнаго съ главнымъ придѣломъ во имя Спаса Преображенія. Кажется, въ осень 55 года, состоялось августѣйшее посѣщеніе Одессы императоромъ Александромъ II, прибывшимъ ко времени выхода изъ Одессы нѣсколькихъ гренадерскихъ или гвардейскихъ полковъ въ Крымъ, для помощи изнывавшему Севастополю. Полки были выстроены на Соборной площади, гдѣ должно

было быть, послѣ освященія воды, совершено напутственное благословеніе. Архіепископъ Иннокентій привѣтствовалъ государя рѣчью.

Преосвященный Иннокентій, со времени прибытія въ Одессу въ концѣ сороковыхъ годовъ, всегда привлекалъ массы ко времени своего архіерейскаго служенія въ соборѣ и въ другихъ мѣстныхъ храмахъ. Люди высшаго общества, преимущественно дамы, задолго до срока узнавали, гдѣ будетъ совершать службу архипастырь.

Въ годы 1855—1856, попечителемъ Одесскаго округа былъ Демидовъ. Мы знали только, что онъ обладалъ громадными средствами,—какъ говорили,—милліонеръ. Не знаю, была ли эта сторона благодѣтельна для лучшаго устройства округа; но, вообще, о дѣятельности Демидова, какъ попечителя, слуховъ къ намъ не доходило. По традиціямъ, насъ и къ нему водили въ большіе праздники. При блестящей обстановкѣ дома, черезчуръ скользкихъ паркетахъ, безмолвныхъ бакенбардистахъ-лакеяхъ въ безукоризненныхъ, конечно, фракахъ,—мы себя, вообще, чувствовали неловко. У прежняго попечителя, Бугайскаго, устраивались забавы, игры, насъ садили за общій столъ, подавали послѣ другихъ, и мы знали, видѣли, какъ быть въ крайнихъ случаяхъ.

Однажды m-me Демидова объ Рождествѣ устроила для гимназистовъ (все-таки по выбору) что-то въ родѣ аллегри. Насъ, четырнадцать, повелъ надзиратель въ часъ дня. У входа мы были впущены и предоставлены собственному благоразумію. Надзиратель ушелъ, объявивъ, что явится въ три часа. Г-жа Демидова вошла къ намъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ дамъ, очевидно, приглашенныхъ для «случая», насъ осматривали какъ звѣрковъ,—съ милыми улыбками, перебрасываясь французской рѣчью. Патронесса поспѣшила, наконецъ, усадить насъ.

Въ большомъ залѣ, усѣвшись въ рядъ, всѣ 14-ть, мы, порядочно смущенные, представляли, вѣроятно, курьезный видъ. Рады были, когда насъ позвали къ столу; усѣлись за 14-ть приборовъ; къ намъ 15-мъ присоединился гувернеръ-французъ. Обѣдъ былъ несомнѣнно изысканный и тонкій; но мы едва-ли оцѣнили это. Выходила въ промежуткахъ хозяйка, обращаясь то къ малышамъ, которые, знай, уписывали; то преимущественно, къ старшему изъ насъ. То былъ нѣкто Перестіани, грекъ, большой, широкоплечій, съ длиннымъ носомъ, угреватый, говорившій на-распѣвъ. Онъ, видимо, былъ убитъ вниманіемъ элегантной патронессы и на повторенный ею вопросъ, почему ѣстъ мало,—отвѣтилъ повышеннымъ, зычнымъ голосомъ: «я же говорю, что не хочу!»

Насъ увели въ 3½ часа гулять; ходили мы долго, такъ что и намъ, охочимъ до прогулокъ по городу, порядочно надоѣло. Узнали мы послѣ, что въ это время, раньше обычнаго своего срока, обѣдала семья нашего принципала. Привели насъ снова къ попечителю (котораго тогда и не

удалось намъ лицезрѣть) въ $5^1/_2$ часовъ. Угостили чаемъ, фруктами, сластями и подарками по жребію.

На вакаціонное время, въ 1856 году, я поѣхалъ съ Флоринскими. Невдалекѣ было имѣніе товарища К., жившаго съ двумя меньшими сестрами при вдовѣ-матери. Матушка его, Надежда Васильевна, представляла собою особенно тяжелый типъ до-реформенной помѣщицы. При небольшомъ, впрочемъ, ростѣ, плотная, энергичная, она, видимо, обладала большою физическою силою. Нерѣдко сама объѣзжала лошадей своего завода, осаживала на скаку въ упоръ четверню рослыхъ большихъ коней. Въ ту пору намъ доставляло большое удовлетвореніе, когда Надежда Васильевна, управляя лошадьми, насвистывала, какъ самый лихой ямщикъ.

Бѣгая по саду и въ ближайшей, почти смежной съ домомъ рощѣ, гдѣ расположена была пасѣка, мы часто проводили время свободно, покуривая въ куренѣ пасѣчника, старика Матвѣя,—или, какъ его почему-то звали,—Мафтея; а потому не всегда были свидѣтелями всего происходившаго.

У Надежды Васильевны въ особомъ флигелѣ помѣщался пансіонъ «неблагородныхъ» крестьянскихъ дѣвушекъ, вѣчно сидѣвшихъ за пяльцами или иглой. Кромѣ своихъ, Надежда Васильевна принимала дѣвушекъ отъ другихъ помѣщиковъ,—понятно, на условіяхъ присылки провизіи и платы за обученіе, съ тѣмъ, что, по прохожденіи опредѣленнаго курса, Надежда Васильевна имѣетъ право два года эксплоатировать работу ученицъ въ свою пользу.

Какъ-то дошелъ къ намъ слухъ, что одной изъ дѣвушекъ за какую-то провинность обрѣзали косу. Узнали мы и то, что пострадавшая—дочь нашего любимца-старика Матвѣя. Почуялъ ли Матвѣй скорое исполненіе вѣщихъ словъ поэта «Рабство, падшее по манію царя» и, что вскорѣ взойдетъ желанная, прекрасная заря «свободы», или, быть можетъ, подъ его грубой оболочкой порвалась чуткая, слишкомъ натянутая струна, какъ знать? Но нашъ Матвѣй со сватомъ (будущій свекоръ дочери), явился къ барынѣ спросить: «за какую-такую провинность понесла дочь постыдную для дѣвушекъ кару?» При чемъ, въ понятномъ волненіи, Матвѣй бросилъ какую-то угрозу помѣщицѣ. Скоро мы услышали грозный крикъ Надежды Васильевны о призывѣ исполнителя экзекуціи. Кого-то изъ обычныхъ не оказалось; позванъ былъ фаворитъ барыни,—кучеръ. Рослый, красивый, молодой, лѣтъ 26-ти, но по-прежнему порядку—«Гришка», на приказаніе разложить старика замялся; оказалось, что Матвѣй—его родной дядя... Надежда Васильевна, стоя на 3-й ступени крыльца, подозвала Гришку къ себѣ и звонкимъ ударомъ по лицу заставила его забыть всякія родственныя чувства.

Произошла еще болѣе дикая расправа....

Вакаціи прошли, и я началъ послѣдній учебный годъ въ гимназіи. Войдя какъ-то къ намъ, инспекторъ объявилъ, что попечитель Демидовъ выбылъ и къ намъ назначенъ новый—Н. И. Пироговъ.

Въ одинъ изъ учебныхъ дней предстоялъ урокъ всеобщей исторіи; преподавалъ одинъ изъ лучшихъ учителей—В. Ф. Щерецкій, обладавшій большою способностью передачи и умѣвшій возбудить дѣйствительный интересъ къ своему предмету. Щерецкій, всегда заботливо одѣтый, въ черную пару, со складнымъ цилиндромъ,—на этотъ разъ, вошелъ въ классъ въ новѣйшемъ вицъ-мундирѣ, особенно эффектнымъ.

Зналъ ли В. Ф., что предполагается посѣщеніе попечителя,—очень можетъ быть, что почтеннѣйшій и предусмотрительный Іосифъ Григорьевичъ надавилъ одну изъ клавишей своего механизма,—но, спросивъ на-скоро 2—3 учениковъ, Щерецкій объявилъ намъ, что хочетъ возстановить въ нашей памяти одну изъ блестящихъ эпохъ Римской исторіи—время Цезаря. Только-что приступилъ В. Ф. къ изложенію, безшумно открылись обѣ половины двери, и вошелъ попечитель, въ сопровожденіи нашего начальства.

Н. И. Пироговъ, въ длиннополомъ тяжеломъ, рыжемъ сюртукѣ, суровый, съ обнаженнымъ черепомъ, на которомъ бросались въ глаза большія выпуклости, произвелъ на насъ впечатлѣніе, вызвавшее чувство робости, пожалуй страха. Послѣ привѣтствія и какого-то вопроса къ учителю,—Щерецкому предложено продолжать занятія. Нисколько не смутившись, В. Ф. продолжалъ и, обладая вообще прекрасной рѣчью, въ этотъ разъ, какъ намъ казалось, говорилъ лучше, чѣмъ когда-либо; и, когда раздался звонокъ, эффектно закончилъ: «вы помните, господа, что Цезарь, пораженный Брутомъ, палъ къ подножію статуи Помпея!»

Не скажу, одобрилъ ли попечитель чтеніе Щерецкаго, но мы, помню, имѣли сіяющій видъ. Можетъ быть, это побудило Николая Ивановича остаться, послѣ звонка, нѣсколько минутъ въ нашемъ классѣ, и, когда попечитель обратился къ нѣкоторымъ изъ насъ съ какимъ-то вопросомъ, когда мы услышали его голосъ, когда улыбка освѣтила его суровый видъ, первое невыгодное впечатлѣніе исчезло.

Наконецъ, завѣтная мечта моя приблизилась. Въ концѣ мая 1857 г., я заказалъ себѣ студентскую фуражку и, втихомолку примѣряя ее безпрестанно, еще до окончанія экзаменовъ, истрепалъ ее порядочно.

II.

Періодъ лицейскій.

(1857—1861).

На вакаціи 1857 года, уже студентомъ, я отправился къ дядѣ въ Ананьевъ. Выѣхалъ я на почтовыхъ съ однимъ изъ товарищей, которому путь лежалъ, черезъ Ананьевъ же, въ Балтскій уѣздъ Подольской губерніи. Я пригласилъ товарища отдохнуть и провести еще день со мною. Дядя встрѣтилъ меня уже совсѣмъ ласково и симпатично; за обѣдомъ поздравилъ меня и товарища шампанскимъ. Сестры, съ сіяющимъ видомъ, глядѣли на меня, какъ на что-то феноменальное. Обѣ сестры играли на рояли,—старшая даже хорошо,—отваживались и пѣть. Намъ, въ жизнерадостномъ нашемъ настроеніи, и музыка и пѣніе казались блистательными, мы заслушивались не только ходкими тогда романсами «ея ужъ нѣтъ», «когда бъ онъ зналъ»,—но приходили въ восторгъ отъ давно забытыхъ «матушка голубушка», «сарафанчикъ» и др.

Товарищъ мой, вмѣсто сутокъ, прогостилъ, кажется, четыре дня. Я не удерживалъ его, зная, что родные ждутъ не дождутся своего студента, да кромѣ того сестры уже успѣли мнѣ сообщить, что дядя женится и свадьба предположена 30-го іюня, т. е. черезъ недѣлю. Спустя нѣсколько дней мы съ дядей, его дочерью и сыномъ выѣхали въ имѣніе Войновку—мѣсто жительства невѣсты, гдѣ я уже бывалъ въ вакаціи 1856 г.

Будущая тетя, Флора Александровна Войнова, почти однихъ со мною лѣтъ, симпатичная, черноокая, виртуозка, вызывала и во мнѣ почтительное поклоненіе, въ особенности выраженіемъ своихъ лукавыхъ, вѣчно смѣющихся глазъ.

30-го іюня я фигурировалъ въ роли шафера, и на меня дядя возложилъ подготовленіе причта и обстановки въ приходской церкви с. Вредіевки.

Свадебное торжество было скромное, исключительно въ кругу своихъ. Дядя оставался въ Войновкѣ еще дней десять. Заботы всѣхъ и прежде всего были направлены на то, чтобы не быть помѣхой новобрачнымъ.

Положеніе окружавшихъ незавидное. Нужно было, въ свою очередь, искать въ чемъ-либо интереса, и это оказалось возможнымъ на мѣстѣ. Осмотрѣвшись, я въ первый разъ увидѣлъ и сознательно оцѣнилъ настоящій хозяйственный механизмъ. Въ числѣ обитателей Войновскаго дома, кромѣ молодой тети, были только матушка ея Анна Яковлевна Войнова, старшій родной ея братъ Трофимъ Яковлевичъ Мезинъ и родственница ихъ Марія Ивановна (фамиліи ея я не зналъ и не знаю).

Это были, не по задачѣ конечно, истые представители теоріи раздѣленія труда. Анна Яковлевна завѣдывала домомъ, садомъ, огородомъ; Марія Ивановна—спеціально молочнымъ хозяйствомъ и наружными кладовыми; Мезинъ—полевымъ хозяйствомъ, имѣя въ своемъ распоряженіи двухъ, такъ называемыхъ, приказчиковъ. Все у нихъ шло по разъ заведенному порядку, насколько возможно безшумно и, какъ говорится, по маслу. Хозяйничая, въ такомъ порядкѣ, на 800-хъ десятинахъ лѣтъ двадцать, тріо это пріобрѣло земельный участокъ въ 1.000 десятинъ, устроивъ на мѣстѣ полную чашу: прекрасный 2-хъ этажный домъ, солидныя хозяйственныя службы, амбары, засыпанные хлѣбомъ; обширный садъ, огородъ; а кладовыя, привлекавшія и раньше мое исключительное вниманіе, говорили о высшей степени довольства. Одна изъ такихъ обширныхъ кладовыхъ (домовая) была въ распоряженіи Анны Яковлевны; входъ въ нее былъ изъ столовой, расположенной въ нижнемъ этажѣ. Круглый годъ кладовая эта была наполнена всякимъ съѣдобнымъ добромъ. Въ соотвѣтственное время—зелень, ягоды, фрукты; во всякое другое время—засахаренные, сушеные и вяленые плоды, прелестнѣйшій квасъ, сладости, вина и т. д. Т. Я. Мезинъ, тогда лѣтъ около 55 старый холостякъ («паничъ»—какъ его величала прислуга), любилъ насъ, дѣтей. Единственной его слабостію была охота и то только зимой, въ свободное для хозяйства время. Лучше всего мы чувствовали себя въ его кабинетѣ, обставленномъ оружіемъ и принадлежностями охоты.

Около 15-го іюля мы возвратились въ Ананьевъ, гдѣ я прожилъ еще мѣсяцъ и успѣлъ увѣрить себя, что я безповоротно влюбленъ въ одну изъ моихъ дальнихъ родственницъ, однихъ со мною лѣтъ. Правду сказать, моя отдаленная кузина, гуляя со мной «при лунѣ», не только не поддерживала моихъ фантазій, но очень мило и умѣло отрезвляла меня. 22-го августа я выѣхалъ въ Одессу, имѣя въ виду, что лицей переводятъ въ новое зданіе и что переходъ долженъ совершиться ко дню акта, 30-го августа.

Прибывъ въ Одессу, я остановился въ гостиницѣ, незная, какъ и гдѣ мы, пансіонеры-студенты, будемъ устроены. Новое помѣщеніе, спеціально построенное (гдѣ нынѣ университетъ), было вполнѣ готово. Гимназисты съ 25-го августа были въ полномъ сборѣ.

Я засталъ уже нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей: грека Перестіани, Макарова, Романова. Это были казенно-коштные, воспитывавшіеся на особыя опредѣленныя суммы, съ обязательствомъ поступленія на факультетъ восточныхъ языковъ. Эти три были уроженцы Маріуполя и Таганрога и, по отдаленности и несостоятельности, не ѣздили на вакаціонное время, проживая лѣто на лицейскомъ хуторѣ. Имъ, пока, дали временное помѣщеніе въ новомъ зданіи, гдѣ, съ разрѣшенія инспектора, пріютился и я. Стали прибывать остальные пансіонеры. По

штату полагалось только 16. Насъ помѣстили затѣмъ въ нижнемъ этажѣ праваго крыла, выходящаго на Херсонскую улицу. Всѣ 16 кроватей, одна противъ другой, установлены были въ одномъ большомъ, достаточно свѣтломъ отдѣленіи. Въ силу недавняго порядка и привычекъ, насъ такое совмѣстное пребываніе нисколько не отягощало; напротивъ того, съ 8 ч. утра, а то и ранѣе, къ намъ являлись уже приходящіе товарищи, внося понятное оживленіе.

Шли приготовленія къ акту необычныя, въ виду того, что предстояло въ тотъ же день освященіе зданія въ присутствіи оффиціальныхъ представителей всѣхъ вѣдомствъ и почетнѣйшихъ гражданъ, гостей, приглашенныхъ и къ завтраку. Мы знали, что столовая гимназистовъ, на этотъ разъ, назначалась для пріема гостей; но 28-го и 29-го августа еще не слышно было, будутъ ли приглашены къ завтраку представители и отъ студентовъ. Опасенія, что приглашенія не послѣдуетъ (какъ это и случилось), вызвали недовольство вообще студентовъ, а въ особенности среди насъ, пансіонеровъ, собравшихся для обѣда въ обычное отдѣленіе, въ общей связи (подъ угломъ) съ столовою, куда приглашены гости.

Нашлись предусмотрительные коллеги, принесшіе въ карманахъ нѣсколько бутылокъ вина; послѣ того, какъ въ свое время были провозглашены тосты за здоровье государя императора, всего царствующаго дома, далѣе въ честь присутствовавшаго преосвященнаго, здоровье генералъ-губернатора, попечителя округа, мы, не допустивъ дальнѣйшихъ тостовъ, уже съ разлитымъ въ стаканахъ собственнымъ виномъ, гаркнули тостъ за процвѣтаніе лицея, будущаго университета, и затѣмъ, послѣдовательно, за благоденствіе высоко-чтимаго Н. И. Пирогова и— за здоровье студентовъ.

Неожиданность, понятное смущеніе высокихъ гостей вызвали страшный, но заслуженный переполохъ нашего ближайшаго начальства. Выходку нашу замолчали. Передавали тогда, будто бы попечитель заявилъ, что онъ винитъ себя въ томъ, что не освѣдомился, приглашены ли представители студентовъ, и на слова директора Беккера, сославшагося на экономическую сторону—на отсутствіе ассигнованія, будто-бы отвѣтилъ: «это наивно». Игнорированіе студентовъ на торжествѣ вызвало неодобреніе и городской публики.

Чрезъ нѣсколько часовъ мы, порядочною компаніею, гуляли по Дерибасовской съ поднятыми головами; намъ казалось, что въ городѣ всѣ уже должны знать объ афронтѣ, который мы учинили нелюбезному начальству. Часовъ около 6-ти вечера нѣсколько человѣкъ пансіонеровъ съ «вольными», какъ называли мы приходящихъ, зашли во вновь открытую, въ новомъ домѣ извѣстнаго булочника Дурьяна, кондитерскую Кальгера. У него кто-то открылъ раньше прекрасную малиновую

наливку. Общество постоянно возрастало; гулъ уже разносился далеко. Студентъ Чербаджогло остроумно копировалъ несимпатичнаго растерявшагося директора Беккера и почтеннѣйшаго Іосифа Григорьевича утонченная политика котораго, на этотъ разъ, спасовала.

Между тѣмъ въ кондитерской только и слышно было или басовое «водки», или болѣе мягкое—«un petit verre de framboise». Щеголяли еще неутраченными дискантами; юнцы выкрикивали возможно громче. Долго ли мы оставались, что происходило, кто кого велъ, и гдѣ мы устраивались—объ этомъ были самые разнорѣчивые толки на слѣдующій день, когда мы собрались къ Кальгеру же для похмѣлья!..

Состоя полнымъ пансіонеромъ, т. е. на всемъ готовомъ до платья и сапогъ, я, какъ и другіе мои сожители, свободные отъ постояннаго надзора и заботъ о нуждахъ дня, зажилъ припѣваючи. На лекціи заглядывали больше изъ любопытства и новизны. Но вскорѣ разнесся слухъ о возвращеніи командированнаго на два года за границу адъюнктъ-профессора А. В. Лохвицкаго, и за тѣмъ появилось объявленіе о томъ, что вступительная его лекція, по энциклопедіи законовѣдѣнія, назначена на 20-е сентября.

Къ слушанію вступительной лекціи собралось масса студентовъ всѣхъ факультетовъ. Одна изъ самыхъ обширныхъ аудиторій не могла вмѣстить всѣхъ жаждущихъ. Вблизи профессорскаго стола, у колоннъ, по обѣ стороны были поставлены кресла для директора, инспектора и профессоровъ. Явилось и изъ нихъ большинство. Александръ Васильевичъ, что называется человѣкъ бывалый, а скорѣе всего, по свойствамъ своей натуры, не обнаружилъ видимаго смущенія. Небольшаго роста, плотный, здоровый, съ большимъ открытымъ лбомъ, онъ появился въ какомъ-то жизнерадостномъ настроеніи. Начавъ скромнымъ выраженіемъ благодарности за то вниманіе, которымъ онъ, еще быть можетъ незаслуженно, удостоенъ слушателями и почтеннѣйшими сотоварищами, А. В. ясно и толково ознакомилъ слушателей студентовъ съ существомъ предмета и будущихъ чтеній. Блестящая отчасти зажигательная лекція, продолжавшаяся два часа, была выслушана молодежью съ восторженнымъ вниманіемъ. Громъ аплодисментовъ, еще тогда дозволенныхъ, и искренній, очевидный восторгъ молодежи проводили лектора.

На послѣдующихъ лекціяхъ А. В. аудиторія была переполнена. Ведя, въ промежуткахъ, частныя бесѣды съ нами, Лохвицкій предложилъ посѣщать его по субботамъ. У него бывало въ эти дни человѣкъ по десяти. Но немного насчитали мы такихъ субботъ! Вскорѣ оказалось, что, по предложенію министерства, уже оповѣщеннаго, въ извѣстномъ смыслѣ, о томъ впечатлѣніи, какое произвелъ профессоръ на слушателей-студентовъ,—на лекціяхъ Лохвицкаго всегда долженъ былъ присутствовать директоръ.

Помнится мнѣ одна лекція: А. В. читалъ намъ о роли стряпчаго (царево око) въ правительственныхъ учрежденіяхъ. Указавъ, что стряпчій, подчиненный лишь губернскому прокурору de jure, независимый отъ мѣстной администраціи, былъ какъ бы постояннымъ контролеромъ ея дѣйствій, имѣлъ надзоръ за всѣми присутственными мѣстами, опредѣленія которыхъ только тогда приводились въ исполненіе, когда на нихъ была надпись стряпчаго «читалъ». Пояснивъ, далѣе, значеніе и силу этого надзора въ теоріи и, коснувшись вопроса о томъ, всегда ли такіе результаты достигаются практикою жизни,—А. В., обративъ вниманіе на столъ у колонны, за которымъ помѣщался директоръ, замѣтилъ, что Беккеръ дремлетъ, помовая опущенной головой. Находчивый профессоръ, заканчивая чтеніе, вдругъ обратился къ намъ съ вопросомъ: «такъ для чего же, мм. гг., стряпчій?» И, съ сильнымъ ударомъ рукою по столу, отвѣтилъ: «да чтобъ судья не спалъ!» Уже запрещенное, единодушное браво пробудило смущеннаго директора, выбѣжавшаго изъ аудиторіи и забывшаго свою обязанность выразить намъ внушеніе за нарушеніе порядка...

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ А. В. долженъ былъ уйти изъ Одессы: его перевели въ Петербургъ, подъ ближайшій надзоръ министерства. Этому способствовало, какъ говорили тогда, сообщеніе губернскаго предводителя на имя генералъ-губернатора о распущенности и нежелательныхъ движеніяхъ среди лицейской молодежи.

При введеніи судебной реформы въ 1865 г., Лохвицкій перешелъ въ образовавшійся составъ присяжныхъ повѣренныхъ. Мы жили безъ особыхъ недоразумѣній, что называется беззаботно, а въ большинствѣ и весело. Особенно бдительнымъ надзоромъ со стороны начальства мы не были отягощаемы. Требовалось, однако, чтобы всѣ мы находились въ 11 часовъ ночи на своихъ постеляхъ. Это требованіе немало печалило и озабочивало насъ. Пришедшіе ранѣе, зная, что тотъ или другой изъ товарищей не скоро, а можетъ быть и совсѣмъ не явится, въ ожиданіи возможнаго прихода инспектора, являвшагося не рѣдко около 12 часовъ ночи для обзора, все ли обстоитъ благополучно,—устроивали, изъ чего представлялось возможнымъ, на постели отсутствующую фигуру, прикрывая ее съ головою одѣяломъ. При слабомъ освѣщеніи единственной лампы, много разъ такіе пріемы приводили къ благополучному исходу, въ особенности при сочувствіи Мартына, на вопросъ инспектора: «всѣ ли на лицо?» всегда бойко отвѣчавшаго: «точно такъ, ваше высокородіе».

Но или кто-либо намекнулъ І. Гр—чу, или онъ началъ недовѣрять тому, что всѣ мы «паиньки»,— однажды инспекторъ остановился у постели одного изъ товарищей, почти ежедневно замѣнявшагося фигурою,

прикоснулся у мѣста, гдѣ должны быть ноги, и при возникшемъ сомнѣніи, прошелся по всей фигурѣ, убѣдившись въ подлогѣ.

Не спавшій рядомъ, но притаившійся товарищъ все это видѣлъ, видѣлъ, какъ І. Гр., ходившій вообще безшумно, на цыпочкахъ вышелъ; не слышно было обычнаго вопроса къ дежурному тогда Мартыну, поджидавшему инспектора, по обыкновенію, у выходной двери. На слѣдующій день І. Гр. имѣлъ солидный разговоръ съ пансіонерами старшихъ курсовъ, взывая къ порядку и благонравію. Послуживший нѣкоторое время пріемъ являлся послѣ этого уже негоднымъ.

Вскорѣ найденъ былъ другой способъ и оказался болѣе находчивымъ. Всякій разъ, когда 2—3 изъ пансіонеровъ предполагали отсутствовать, вмѣсто нихъ являлись на свободныя койки замѣстители изъ приходящихъ студентовъ, укладывались спать, и если случалось, что І. Гр. заходилъ въ дортуаръ, то, прикоснувшись, при сомнѣніи, къ спавшему, находилъ настоящія ноги, и сомнѣніе разсѣевалось. Такой пріемъ служилъ намъ извѣстное время; но, вѣроятно, инспекторъ какими-то судьбами освѣдомился, что одинъ изъ самыхъ юркихъ изъ нашей безпардонной компаніи постоянно не ночуетъ. Желая провѣрить, І. Гр. уже недовольствовался тѣмъ, что нашелъ настоящія ноги, подошелъ къ спавшему, укрытому съ головой, и, отвернувъ одѣяло, вмѣсто искомаго юнца—свѣтлаго блондина еще безъ всякой растительности—нашелъ брюнета и бородатаго. Опять внушеніе и затѣмъ болѣе усиленный надзоръ.

Мы стали замѣчать, что, когда компанія собиралась по вечерамъ у Кальгера или въ ресторанѣ Алексѣева, рѣдко кто изъ подошедшихъ не заявлялъ, что натолкнулся на прогуливающагося педеля. Это—оставшійся несомнѣнно въ памяти всѣхъ студентовъ довольно длиннаго періода лицейской жизни—Карлъ Ивановичъ Мальскій.

Небольшаго роста, вѣчно улыбающійся, но доносчикъ по характеру службы, К. И. какъ-то умудрялся жить на 144 рубля въ годъ. Во многихъ случаяхъ студенты, предвидя возможность доноса, преподносили ему или небольшую денежную мзду, или незатѣйливый подарокъ. Мальскій принималъ, вздыхая и обыкновенно произнося при этомъ: «вы не повѣрите, какъ трудно служить по министерству просвѣщенія!» Справедливость требуетъ сказать, что послѣ приношенія К. И. оставался передъ начальствомъ нѣмъ.

Кондитеръ Кальгеръ оказался любимцемъ студентовъ; разносторонній, услужливый, открывшій довольно широкій кредитъ, онъ каждаго изъ студентовъ зналъ и называлъ по фамиліи (имя и отчество не были въ модѣ); выписывалъ газеты, завелъ шахматы, домино (играли на пирожки), а главное—перемѣнилъ тѣсное помѣщеніе у Дурьяна на болѣе обширное въ д. Калафати на Дерибасовской улицѣ, съ просторной особой комнатой окнами во дворъ и отдѣльнымъ туда выходомъ. Въ этомъ

*

отдѣленіи мы были изолированы отъ сторонней публики, посѣщавшей кондитерскую, и зачастую сиживали тамъ безъ сюртуковъ.

III.

Послѣ ухода А. В. Лохвицкаго Лицей понесъ новую потерю уже вслѣдствіе причинъ естественныхъ.

Умеръ заслуженный профессоръ Зеленецкій, читавшій съ 30-хъ годовъ русскую словесность. Не только свѣдущій по предмету, но съ громаднымъ запасомъ разностороннихъ знаній, оставившій видныя работы по своей спеціальности, Зеленецкій, къ сожалѣнію, не обладалъ желанною способностію передачи. Производя достаточно тяжелое впечатлѣніе изложеніемъ предмета (дикціею), онъ сообщалъ всегда такую массу интересныхъ данныхъ, что всегда имѣлъ слушателей, чѣмъ не могли похвалиться нѣкоторые изъ болѣе даровитыхъ товарищей Зеленецкаго. Имѣя прекрасную, многотомную библіотеку, профессоръ охотно предлагалъ этотъ богатый запасъ желавшимъ изъ студентовъ.

По обычаю того времени, студенты, смѣняясь, дежурили у гроба покойнаго въ квартирѣ его на Дерибасовской улицѣ въ домѣ Синицына; а затѣмъ проводили останки въ соборъ и къ могилѣ. На кладбищѣ профессоръ протоіерей Павловскій сказалъ надгробное слово. Очертивъ личность покойнаго и его заслуги по профессіи, Михаилъ Карповичъ, между прочимъ, сказалъ: «Твоя эрудиція, твое трудолюбіе и вмѣстѣ съ тѣмъ, при высокихъ душевныхъ качествахъ, твоя скромность служили для насъ образцомъ».

Свое слово ораторъ заключилъ слѣдующимъ образомъ: «Другъ и товарищъ! Что, если бъ ты всталъ? Какія откровенія принесъ бы ты намъ изъ того, лучшаго міра, откровенія, какихъ не нашелъ ты здѣсь, въ твоихъ книгахъ, а ихъ такъ много было у тебя?!»

Профессоръ Павловскій, обладавшій, какъ я упоминалъ уже, ораторскою рѣчью и пріемами, не привлекалъ къ себѣ слушателей. Постоянно-торжественный тонъ его лекцій ослаблялъ у аудиторіи вниманіе къ существу предмета. Кромѣ того, М. К. вызывалъ нерасположеніе студентовъ требованіемъ особой почтительности и вообще своими традиціонными притязаніями, явно опиравшимися на дружбу вліятельнаго І. Гр. Михневича.

Подъ истиннымъ или напускнымъ, какъ считали многіе, увлеченіемъ, Павловскій иногда, послѣ звонка, продолжалъ еще чтеніе, при чемъ не любилъ, если кто-либо изъ студентовъ среди лекціи выходили изъ аудиторіи.

І. Гр. Михневичъ, всегда дѣйствуя по духу времени въ періодъ

управленія Одесскимъ округомъ Н. И. Пироговымъ, былъ, или, по крайней мѣрѣ, казался либераломъ.

Кто изъ насъ, еще оставшихся въ живыхъ лицеистовъ, не вспомнитъ съ глубокимъ уваженіемъ, къ сожалѣнію, кратковременный, но блестящій періодъ 1857—1858 гг.

Пироговъ несомнѣнно одно изъ самыхъ свѣтлыхъ лицъ среди русскихъ общественныхъ дѣятелей XIX вѣка. Н. И. былъ не только великимъ мыслителемъ, замѣчательнымъ хирургомъ, но и выдающимся администраторомъ и педагогомъ. «Мы не воспитаны!»—взывалъ нѣкогда Пироговъ въ своихъ извѣстныхъ «Вопросахъ Жизни». Масса свѣтлыхъ взглядовъ и мыслей о просвѣщеніи и воспитаніи юношества, даже при невозможности проведенія ихъ въ жизнь, доставили бы автору «Вопросовъ» славу педагога. Но Н. И., по счастливой случайности, взгляды тѣ и мысли примѣнялъ на дѣлѣ, управляя Одесскимъ округомъ, осчастливленнымъ его представительствомъ, — примѣнялъ безбоязненно, со свойственными ему стойкостію и энергіею, пока хватило силъ. Въ качествѣ истиннаго «попечителя» юношества, Пироговъ, у котораго слова никогда не расходились съ дѣломъ, проводилъ на практикѣ свои гуманныя педагогическія начала и просвѣтительные взгляды, наставляя и учащихъ и учащихся. Извѣстно, что при немъ «Одесскій Вѣстникъ» изъ безцвѣтнаго провинціальнаго листка превратился въ серьезный, литературный органъ, переданный по ходатайству попечителя подъ редакцію профессоровъ Лицея А. И. Георгіевскаго и Н. М. Богдановскаго.

Новыхъ редакторовъ Н. И. Пироговъ привѣтствовалъ статьею:

«Вы, вѣрно, не угодите Лицею, если будете помѣщать дребедень въ фельетонѣ или сдѣлаете его газету лавочной выставкой. Вспомните, что «Од. Вѣст.» можетъ попасть въ руки и великоросса, и малороссіянина, и молдована, и грека, и еврея. Вспомните, что Одесса живетъ пшеницей что степь — плохой проводникъ убѣжденій и просвѣщенія. Вспомните, что великое слово «впередъ», столь одушевлявшее солдатъ Суворова и Блюхера, не на всѣхъ дѣйствуетъ также магически: есть еще много на свѣтѣ господъ и степныхъ, и столичныхъ, которые не знаютъ, что можно и должно идти впередъ, но... и т. д.». А затѣмъ далѣе въ той же статьѣ: «Я сравниваю васъ, гг. редакторы, съ артистомъ, выступающимъ на сцену предъ разнохарактерной публикой. Его публика такъ же, какъ и ваша, занимаетъ и партеръ, и ложи, и раекъ. Если артистъ человѣкъ съ талантомъ и призваніемъ, станетъ ли онъ своею игрою заискивать благоволенія у сидящихъ во всѣхъ ярусахъ и рядахъ — вверху и внизу? Истинный талантъ и истинное искусство привлекаетъ не спускаясь»...

Далѣе Н. И. въ качествѣ публициста поучалъ разноплеменную, разношерстую, но кичливую Одессу такими словами:

«Съ тѣхъ поръ какъ я выступилъ на поприщѣ гражданственности путемъ науки, мнѣ всего противнѣе были сословныя предубѣжденія, и я невольно перенесъ этотъ взглядъ и на различія національныя. Какъ въ наукѣ, такъ и въ жизни, какъ между своими товарищами, такъ между всѣми подчиненными и начальниками, я никогда не думалъ дѣлать отличія въ духѣ сословной и національной исключительности. Эти убѣжденія, какъ слѣдствіе моего образованія, выработавшіяся цѣлою жизнію, сдѣлались для меня уже второю натурою и не покинутъ меня до конца жизни»...

Въ строѣ студенческой коллегіальной жизни, попечитель предоставилъ студентамъ имѣть «свою» библіотеку, кассу для недостаточныхъ товарищей и право сходокъ въ опредѣленное, свободное отъ занятій, время и въ строгихъ предѣлахъ внутреннихъ интересовъ коллегіи. Н. И. нерѣдко появлялся среди насъ, постоянно повторяя, что предоставленіе извѣстныхъ правъ налагаетъ и соотвѣтственныя обязанности; что, независимо отъ всего того, что можетъ произойти въ будущемъ, помимо нашей воли,—мы должны каждую минуту думать и помнить, что укрѣпленіе и развитіе предоставленныхъ намъ начинаній въ области нашей лицейской жизни зависитъ и отъ насъ самыхъ и что самымъ горькимъ упрекомъ для насъ будетъ то, если предоставленныя права будутъ отняты по нашей собственной винѣ.

Всегда ли молодежь была повинна въ отнятіи у нея дорогихъ для жизни коллегіи правъ—скажетъ, въ свое время, безстрастная исторія...

А между тѣмъ—откуда взялась масса книгъ для основанія библіотеки, книги притекали безостановочно; студентская касса, общая для всѣхъ безъ различія курсовъ и какихъ бы то ни было группъ, не оскудѣвала, пополнялась взносами имущихъ товарищей, преимущественно бессарабцевъ (Леонарды, Кессо, Руссо, Доничи, Писаржевскій и другіе). Достаточные сборы давали музыкальныя утра (по воскресеньямъ), въ которыхъ, кромѣ студентовъ, принимали участіе лучшія музыкальныя силы города. Но главный фондъ кассы составляли сборы со спектаклей, устраиваемыхъ студентами. Благодаря ходатайству попечителя, при видимомъ сочувствіи бывшаго тогда генер.-губернатора графа Александра Григорьевича Строгонова, спектакли разрѣшены были и ставились въ городскомъ театрѣ, что обусловливало лучшіе сборы. Графъ Строгоновъ никогда не присылалъ за билетъ менѣе ста рублей. Плата въ 50 рублей (Полетика, Волоховъ, Массъ, графъ Толстой и др.) была не рѣдкость. Спектакли устраивались студентами исключительно, при режиссерномъ только руководствѣ такихъ артистовъ, какъ Никитинъ, Васильевъ I, Ѳедотова, Фабіянская. Помню, какъ шумно и многолюдно прошла тогда

еще новая пьеса «Свадьба Кречинскаго», въ которой роль Расплюева даровито исполнилъ студентъ Константинъ Чербаджогло. Женскія роли также исполнялись студентами, въ «Ревизорѣ», напр., роль жены Городничаго игралъ Науменко, а дочери—Бѣлецкій; такъ оба они и остались подъ именами «Анны Андреевны» и «Маріи Антоновны». Каждый спектакль давалъ чистаго сбора не менѣе полуторы тысячи, обогащая кассу раза два-три въ зиму.

Изъ кассы, по приговорамъ схода, не только выдавалась недостаточнымъ товарищамъ плата за слушаніе лекцій, но выдавались и ссуды временно-нуждающимся и безвозвратная помощь членамъ, утратившимъ или не нашедшимъ заработка. Не помню не только случаевъ злоупотребленій, но даже рѣзкихъ ошибокъ. Да и могло ли быть иначе? Кто же могъ лучше товарищей знать и нуждающихся, и степень ихъ нужды? Въ то время не случалось читать: такіе-то студенты уволены за невзносъ платы, а такимъ-то назначенъ окончательной срокъ тогда-то;—не случалось наталкиваться на такія полныя отчаянія объявленія объ «урокѣ» и заработкѣ, какія не шутки же ради печатаетъ теперь нуждающаяся университетская молодежь.

Тогда же зародились среди насъ надежды на преобразованіе лицея въ университетъ. Честь возбужденія объ этомъ ходатайства и умѣлое представленіе вѣскихъ данныхъ—опять таки дѣло Н. И. Пирогова. Все, что я по силамъ моей памяти сказалъ о дѣятельности Н. И.—выписки, которыя я позволилъ себѣ сдѣлать,—все это знаю, извѣстно и не ново; но иногда полезно заносить въ хронику, для вящшей памяти, образцы дѣятельности и пламенной любви къ родинѣ такихъ людей, какъ покойный Пироговъ.

Старымъ людямъ въ воспоминанье,
Молодымъ въ назиданье.

Точно не помню когда, но около этого времени въ газетѣ «le Nord» появилась статья о предположенномъ освобожденіи крестьянъ. Понятно, какое впечатлѣніе эта великая, еще неосязаемая, какъ фактъ, надежда должна была произвести среди насъ, студентовъ. Газету вырывали, перехватывали изъ рукъ въ руки, истрепали; но вскорѣ появились доставленные кѣмъ-то новые экземпляры той же газеты. Великая вѣсть поглотила всякіе другіе интересы.

Вечеромъ собрались къ Кальгеру; конечно и—джонка. Трудно передать оживленныя рѣчи, выраженіе надеждъ и пожеланій, связанныхъ и ожидаемыхъ отъ великаго акта освобожденія.

Въ особомъ изолированномъ отдѣленіи кондитерской гулъ стоялъ невообразимый, но безъ всякаго покушенія на нарушеніе общественной тишины. Впрочемъ, предусмотрительный Кальгеръ около 11 ч.

ночи уговорилъ насъ разойтись и былъ, быть можетъ, невольною причиною всего послѣдовавшаго.

Явились горячія головы, и вмѣсто того, чтобы разойтись по домамъ, мы большой и нельзя сказать чтобы вполнѣ добропорядочной компаніей вошли въ извѣстный тогда ресторанъ Алексѣева, помѣщавшійся въ домѣ на Садовой, гдѣ нынѣ Благородное Собраніе. Мы застали въ саду ресторана за столиками публику, не охваченную волновавшею насъ благою вѣстью, но видимо спокойную и занятую лишь собой и обыденными интересами. Къ намъ сейчасъ же присоединились студенты, попавшіе ранѣе нашего прихода къ Алексѣеву, такъ что группа наша выросла до 50 и болѣе. Спустя полчаса, публика, вѣроятно замѣтивъ возбужденное, а быть можетъ и слишкомъ развязное настроеніе студентовъ,—испарилась. Остались кое-гдѣ у нѣсколькихъ столовъ, видимо, коммерсанты-иностранцы, исключительно мужчины, за обычной бутылкою краснаго вина.

Нестѣсняемые уже присутствіемъ дамъ, мы овладѣли музыкою и, помню, танцовали въ садикѣ, по песчаной площадкѣ нѣсколько кадрилей; роль дамъ исполняли наши же «Анна Андреевна» и «Марія Антоновна» и другіе женоподобные товарищи. Стало слышно, что уже требуется ужинъ—не въ саду, а въ одной изъ залъ ресторана, лѣтомъ обыкновенно пустующей и выходящей окнами съ одной стороны въ садъ, а съ другой—въ большую галлерею, также пустовавшую.

Мы размѣстились за длиннымъ столомъ, ничего не подозрѣвая; а между тѣмъ мы были уже подъ наблюденіемъ аргусовъ, какъ оказалось, злыхъ и, въ лучшемъ смыслѣ, невѣжественныхъ. Насъ не трогали, и мы, воодушевленные искреннимъ, быть можетъ лучшимъ настроеніемъ въ жизни каждаго изъ насъ, думали, что «благоденствуемъ».

Начались тосты... Проходитъ съ той поры четвертый десятокъ лѣтъ, но и теперь, какъ и прежде, говорю чистосердечно: мы были повинны лишь въ томъ, что перекрикивали другъ друга, виноваты во внѣшнемъ, такъ сказать, непорядкѣ; но никто изъ насъ громогласно не произнесъ ни одного тоста антиправительственнаго или антирелигіознаго. Пили, правда, здравицы «за освобожденный народъ русскій», за пріобщеніе его къ просвѣщенію; за будущій университетъ, свѣтильникъ нашего благословеннаго Юга... Слышны были спорадическіе крики: «Долой тьму и невѣжество; да возсіяетъ яркій свѣтъ истины и правды и да расточатся врази ихъ!»... И многое, но въ такомъ только смыслѣ.

Мы благополучно, разумѣется лишь не въ строгихъ требованіяхъ дисциплины, разошлись. А на слѣдующій день оказалось, что мы всѣ записаны соглядатаями, что уже доложено «о происшествіи» попечителю и генералъ-губернатору; что насъ винятъ чуть ли не въ государственномъ преступленіи; говорили даже о возможности высылки всѣхъ насъ изъ Одессы.

Попечитель, по обыкновенію, потребовалъ къ себѣ выборныхъ (шесть лицъ по два отъ курса); отъ нашего курса, какъ и ранѣе, ходилъ я. Къ ужасу нашему, мы услышали отъ Н. И. Пирогова, читавшаго по докладной запискѣ, что нами произносились тосты: «долой преосвященнаго», религію почитаній, «да здравствуетъ религія разума» и т. д.

Выслушавъ нашу «исповѣдь» — преимущественно тѣхъ, кто были участниками ужина, попечитель предложилъ намъ позаботиться о сохраненіи порядка съ обычнымъ посѣщеніемъ лекцій и не собираться на сходки, объявивъ, что онъ лично будетъ въ Лицеѣ черезъ сутки и къ тому времени распорядится о созывѣ нужныхъ лицъ. Эти послѣднія слова—«вужныхъ» лицъ, при другихъ условіяхъ, могли бы звучать непріятнымъ будущимъ, но мы вѣрили въ Пирогова и, на самомъ дѣлѣ, согласно данному обѣщанію, внесли покой и увѣренность въ среду товарищей.

На третій день попечитель прибылъ въ Лицей; были собраны всѣ «участники преступленія»; явилась масса и не участвовавшихъ, которымъ никто не препятствовалъ присутствовать.

— Прежде всего—сказалъ Пироговъ—я старался добыть истину о томъ, что происходило при вашемъ сборищѣ въ ресторанѣ Алексѣева. Какъ молодежь, вы увлеклись симпатичною мыслію о будущемъ русскаго общества. Но вы забыли то, что должны были помнить, что въ прессу попадаютъ такіе слухи, которые, въ существѣ, не рѣшены еще главенствующею волею государя императора. Разъ бы таковая воля была выражена въ установленномъ порядкѣ, я первый раздѣлилъ бы съ вами прекрасныя движенія вашего сердца. Нынѣ же я не одобряю ваши дѣйствія, какъ преждевременныя, совершенныя массою, въ публичномъ мѣстѣ, такъ какъ отсутствіе публики, о чемъ вы говорили, было лишь случайностію и, какъ я думаю, происшедшею по вашей же винѣ. Надѣюсь, что впредь вы будете дѣйствовать осмотрительнѣе съ полнымъ благоразуміемъ, обратившись еще съ большимъ вниманіемъ къ вашимъ занятіямъ, какъ главному залогу той пользы, которую вы, въ качествѣ будущихъ гражданъ, можете, въ свое время, принести родинѣ и русскому народу.

Мы поняли справедливость укоризны и старались загладить впечатлѣніе понятнаго мнѣ и теперь, но сказавшагося не въ должной формѣ нашего молодаго порыва.

Между тѣмъ слухи по полицейской редакціи проникли въ городъ; стоустая молва преувеличила ихъ. Передавали тогда за достовѣрное, что представитель дворянства губернскій предводитель доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ о распущенности учащейся молодежи и о томъ, что онъ не ручается за дальнѣйшее спокойствіе и порядокъ.

Къ счастію, такое зловѣщее карканіе не оправдалось...

Лицей и мы, студенты, благоденствовали, благодаря высокогуманнымъ

отношеніямъ и дѣйствіямъ Н. И. Пирогова по управленію округомъ. Въ свое время я говорилъ, совершенно искренно, о характерѣ гимназической жизни моего времени. Въ короткій промежутокъ 2—3-хъ лѣтъ, заходя въ пансіонъ гимназіи, гдѣ у меня оставались отсталые товарищи и младшіе по классамъ земляки, я не узнавалъ гимназіи. Иныя отношенія старшихъ къ младшимъ, иные разговоры, возможное знакомство съ литературою, съ текущими интересами жизни. Старшіе гимназисты принимали участіе въ устраиваемыхъ тогда литературно-научныхъ бесѣдахъ, при участіи самого попечителя. Помню, 6-й классъ гимназіи, съ разрѣшенія и полнаго вѣдома начальства, издавалъ даже свой журналъ.

Какое значеніе и благотворное вліяніе имѣли на учениковъ устраиваемыя по иниціативѣ попечителя литературныя и научныя бесѣды, указалъ самъ Н. И. Пироговъ въ одномъ изъ писемъ къ І. В. Бертензону, напечатанномъ, въ послѣднее время, въ «Русской Школѣ». Въ письмѣ томъ покойный Н. И. Пироговъ говорилъ:

«Ученики, безъ различія національностей, съ необыкновеннымъ рвеніемъ бросались за работу (письменную, не словесную) и подготовлялись къ устному веденію бесѣды о томъ или другомъ предметѣ и, конечно, выбирали иногда предметъ для бесѣдъ не по силамъ, но всегда по склонности, и эти склонности какъ учениковъ, такъ и учителей обнаруживались наглядно; свобода воззрѣній, конечно, недопускаемая на оффиціальныхъ урокахъ, поощряла учениковъ къ серьезному занятію предметомъ, избраннымъ для бесѣдъ, и обнаруживала неузнанныя на обыкновенныхъ урокахъ способности и знанія».

Между тѣмъ въ городѣ уже циркулировали настойчивые слухи о переводѣ Н. И. Пирогова изъ Одессы. Вскорѣ слухи превратились въ несомнѣнный фактъ, глубоко опечалившій въ особенности насъ, студентовъ. Объявлено было, что Н. И. въ извѣстный день прибудетъ проститься съ Лицеемъ. Явилась мысль объ изготовленіи благодарственной, отъ лица студентовъ, напутственной рѣчи. Рѣчь была составлена студентомъ 3-го курса Владиміромъ Антоновичемъ Аристовымъ (нынѣ старшій предсѣдатель Варшавской судебной палаты).

Помню, Аристовъ прекрасно произнесъ прощальную рѣчь. Выразивъ Н. И. глубокую благодарность и признательность за постоянно проводимыя имъ начала прямыхъ и открытыхъ отношеній къ студентамъ, за умѣлыя заботы о лучшемъ устройствѣ нашего быта и отношеній къ намъ (непосредственнаго) начальства и представителей науки, профессоровъ, Аристовъ закончилъ словами: «благодаримъ васъ, Николай Ивановичъ, за ту разумную свободу, которую вы даровали намъ. Она заставила насъ быть болѣе строгими къ своимъ поступкамъ, къ своей жизни».

— Оставляя Одесскій округъ,—отвѣчалъ Н. И. Пироговъ,—я сохраню о васъ самыя благопріятныя воспоминанія, потому что нашелъ въ васъ добрыхъ и благонамѣренныхъ студентовъ.

Въ день выѣзда студенты большой массой, кто какъ могъ, на верховыхъ лошадяхъ, въ экипажахъ, на извозчикахъ проводили Н. И. до первой почтовой станціи, простившись съ незабвеннымъ «попечителемъ» съ глубокою и неподдѣльною скорбью и съ неутѣшительною, но вѣрною мыслью, выраженною кѣмъ-то изъ товарищей, что Николая Ивановича, какъ попечителя, можно «смѣнить, не замѣнивъ».

Къ намъ назначенъ былъ Н. Р. Ребиндеръ, которому профессоры и студенты были представлены въ актовомъ залѣ. Привѣтливо обратившись къ профессорамъ, новый попечитель, между прочимъ, заявилъ намъ, студентамъ, что «всѣми силами постарается не уклониться отъ избраннаго его предшественникомъ пути, что недоразумѣнія, какія могутъ возникать, онъ надѣется, будутъ чистосердечно выясняемы чрезъ представителей отъ студентовъ».

Несмотря на такое обѣщаніе, отношенія къ намъ ближайшаго начальства и нѣкоторыхъ профессоровъ стали измѣняться къ худшему.

Въ строѣ лицейской жизни наступали другіе порядки.

І. Гр. Михневичъ выбылъ въ Кіевъ, куда назначенъ помощникомъ попечителя. Не помню, по какимъ причинамъ Н. Р. Ребиндеръ не долго оставался у насъ попечителемъ; на его мѣсто былъ назначенъ Могилянскій.

Каждый день въ Лицеѣ появлялось новое объявленіе, начинавшееся словомъ «воспрещается». Объявленія сначала прибивались на открытой доскѣ. Одно изъ нихъ, вѣроятно самое строгое, было кѣмъ-то изъ студентовъ сорвано. Объявленія стали тогда помѣщаться подъ проволочной сѣткой. Мы то-и-дѣло читали: «Воспрещается въ свободные часы (если чтеніе почему-либо не состоялось) оставаться въ стѣнахъ Лицея, собираться толпой; воспрещается входить въ читальную болѣе десяти лицъ, разговаривать; воспрещается куреніе папиросъ въ корридорахъ, разбрасываніе окурковъ» и т. д.

Наступилъ и прошелъ май 1861 года. Окончились благополучно выпускные экзамены. Мы, такъ сказать, въ преддверіи настоящей жизни. Естественная мысль — отпраздновать достиженіе цѣли, проститься съ нашимъ нетяжелымъ прошлымъ.

Насъ, болѣе близкихъ ко всему прошлому, собралось около сорока; къ намъ пристегнулись нѣсколько лицъ, постороннихъ лицею и студентской средѣ, но имѣвшихъ среди насъ каждый одного или двухъ знакомыхъ. Въ ресторанѣ Алексѣева заказанъ былъ незатѣйливый студентскій ужинъ. Оттуда по программѣ, около 3-хъ часовъ ночи, мы направились на Приморскій бульваръ встрѣтить восхожденіе солнца.

Бульваръ всегда былъ любимымъ мѣстомъ для отдыха и прогулокъ. Товарищи, переводившіеся ранѣе въ другіе университеты, разъ снова попадали въ Одессу, прежде всего отдавали дань бульвару, заявляя каждый, что никакіе виды Москвы, Кіева, а тѣмъ болѣе Харькова,

Казани не сравнятся, при южной ночи, съ видами на море съ одесскаго Приморскаго бульвара.

Въ это послѣднее для многихъ изъ насъ посѣщеніе бульвара, въ особенности при той обстановкѣ, мы пользуясь просторомъ, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняемые, школьничали весело, искренно, что называется, во всю.

Такое хорошее настроеніе было неожиданно прервано несерьезнымъ, но непріятнымъ эпизодомъ. Я упомянулъ, что къ нашему сплоченному кружку пристегнулись нѣсколько добровольцевъ. Въ числѣ ихъ былъ князь К. Всѣ мы болѣе или менѣе подпили. Но К., выпивши, какъ говорятъ, на грошъ, шумѣлъ, и съ нимъ постоянно возились, то подводя его какъ не могущаго идти, то удерживая его отъ намѣренія бить окна, стучать въ чужія двери.

Наконецъ я слышу крикъ К. «пустите, пустите меня! Я уже ничего лучшаго не жду отъ жизни!» При чемъ К. какъ бы намѣревался броситься съ уступовъ внизъ бульвара. Нѣкоторые изъ добродушныхъ товарищей употребляли крайнія усилія не допустить К. сорваться съ высоты около ста футовъ (три уступа).

Совсѣмъ неожиданно и необдуманно я въ свою очередь крикнулъ: «оставьте его, господа! Что вы съ нимъ возитесь? Князекъ не бросится въ пропасть—ручаюсь вамъ головой». Я не предполагалъ, что товарищи отступятъ отъ К., но это случилось. Князь остался въ незавидномъ положеніи и, не додумавшись обратить все въ шутку и забывъ, что за минуту передъ тѣмъ онъ хотѣлъ казаться безсознательно пьянымъ, — самымъ серьезнымъ тономъ объявилъ мнѣ, что пришлетъ секундантовъ, а затѣмъ уѣхалъ съ бульвара не простившись.

Этотъ непріятный перерывъ не помѣшалъ нашей программѣ. Съ бульвара мы непосредственно и, конечно, по образу пѣшаго хожденія направились на хуторъ Ланжерона, гдѣ рѣшено было отдохнуть у моря, подъ покровомъ майскаго неба. Тамъ заказали мы для себя къ 2 часамъ обѣдъ, прекрасно провели день, а къ вечеру — назадъ, въ городъ, въ излюбленный нашъ пріютъ кондитерскую Кальгера.

Предупрежденіе и предварительный заказъ были излишними: у Кальгера уже все было готово для послѣдней товарищеской джонки. Сюда привезли и К., въ сущности незлобиваго сердечнаго человѣка, и мы, за общимъ брудершафтомъ, выпивъ по формѣ черезъ руку, забыли съ нимъ наше недавнее недоразумѣніе и сдѣланный имъ сгоряча вызовъ.

Проведя почти безъ сна двое сутокъ, мы простились, обнимая другъ друга съ сочувствіемъ и искренностію, пожалуй не повторявшимися впослѣдствіи, при иныхъ отношеніяхъ, къ инымъ товарищамъ.

Чрезъ день-два многіе изъ насъ были уже далеко отъ всегда мною любимой, на самомъ дѣлѣ великолѣпной Южной Пальмиры...